

- ⁶ См.: The Exeter Book Riddles. P. XII.
⁷ См.: Ibid.
⁸ См.: Ibid.
⁹ См.: Gameson R. The Origin of the Exeter Book of Old English Poetry. ASE 25: 135—185, 1996.
¹⁰ См.: Konick M. Exeter Book Riddle 41 as a Continuation of Riddle 40 // Modern Language Notes. 1939. Vol. 54, No. 4 (Apr.). P. 259.
¹¹ Цит. по: Tupper F., jr. Originals and Analogues of the Exeter Book Riddles // Ibid. 1903. Vol. 18, No. 4 (Apr.). P. 98.
¹² См.: Ibid.
¹³ См.: Gameson R. The Origin of the Exeter Book of Old English Poetry.
¹⁴ См.: The Exeter Book Riddles. P. 102.
¹⁵ См.: Ibid. P. XIX.
¹⁶ Цит. по: Ibid.
¹⁷ См.: Ibid.
¹⁸ Salvador M. Exeter Book Riddles // The Literary Encyclopedia. 5 Apr. 2006 / The Literary Dictionary Company ; Universidad de Sevilla. 25 April 2007. URL: <http://www.litencyc.com/php/stopics.php?rec=true&UID=1661>

М. О. Куницыкова

Билингвизм как комплексная языковая проблема в лингвокультурологическом аспекте

По мнению Э. Гуссерля, для людей характерна жизнь в условиях «неограниченной коммуникации»¹, когда единому плану содержания соответствует множество планов выражения. Думается, что и билингвизм, определяемый как «общение людей, представляющих разные культуры и обладающих двумя языковыми кодами», связан с этим явлением². В нашем исследовании рассматриваются особенности двух культур, двух языков, двух мировосприятий на материале романа писателя-билингва Вл. Набокова «Лолита» (на английском и русском языках).

Творчество Владимира Набокова представляет интерес для исследователя-лингвиста с нескольких позиций: во-первых, это беллетрист, получивший признание в стране с давно сложившимися

литературными традициями (при этом этнически и генетически с ее культурой не связанный); во-вторых, билингв, достигший высшей степени овладения чужим языком, и, в-третьих, представитель двух культур, значительно отличающихся друг от друга.

Предмет нашего исследования — особенности индивидуального билингвизма и одной из высших форм его развития — литературного билингвизма. Исследование литературного билингвизма дает возможность через язык писателя-билингва приблизиться к его языковой личности и отчасти раскрыть закономерности ее развития. Кроме того, «особенности интерференции в письменной речи двуязычного писателя на каком-либо уровне (лексическом, грамматическом, синтаксическом или стилистическом), выявленные на материале его речевой деятельности, могут быть использованы для раскрытия глубинных различий между контактирующими языками»³. Последнее становится возможным благодаря тому, что уровень владения языком у двуязычного писателя очень высок, что способствует усложнению интерференции в его речи, когда типичные случаи интерференции как следствия языковой некомпетентности полностью отсутствуют, а проявления интерферирующего влияния первичного языка имеют место на глубинных уровнях языка.

В качестве исходной предпосылки в исследовании выдвигается положение о том, что в литературном языке писателя присутствует лингвокультурный компонент, обусловленный русскоязычным происхождением автора, и что этот компонент присутствует в английском варианте «Лолиты». Именно поэтому основная цель данной работы — увидеть и показать, что в пределах одного сознания сосуществуют два разных языковых кода, два менталитета.

Относительно самого определения билингвизма мы придерживаемся той точки зрения, что «двуязычие может варьироваться от весьма элементарного знания контактного языка до свободного и полного владения им»⁴. Хотя в языкознании существует и другая точка зрения: «Билингвизм — одинаково совершенное владение двумя языками»⁵.

Вместе с тем, вопрос соотношения языка и сознания (в рамках двуязычия в том числе) получил в научной литературе двоя-

кую интерпретацию. С одной стороны, существуют точки зрения ученых, отождествляющих язык с сознанием, причем некоторые исследователи приходят к признанию существования национально-специфических языковых картин мира. Таким образом, эта группа ученых считает, что язык, его структура обуславливают тип мышления, а каждый народ видит мир только через призму своего языка. Как известно, этой точки зрения в разное время придерживались В. фон Гумбольдт, Э. Кассирер, И. Трир, Э. Сэпир, Б. Уорф. При этом хорошо известную теорию лингвистической относительности называют также теорией Сэпира — Уорфа. Но с другой стороны, «ведущим принципом в рассмотрении проблемы соотношения языка и мышления является когнитивный универсализм»⁶. В рамках такого подхода принято считать, что «картина мира, какой бы она ни представлялась на поверхности языкового выражения, в итоге сводима к единому миру существования материальных предметов и явлений»⁷. Этой точки зрения придерживаются такие ученые, как Н. Хомский, Дж. Лакофф, Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников, М. В. Никитин.

Обе обозначенные крайние позиции на сегодняшний день находят меньше сторонников, чем раньше. Сегодня более актуальными становятся исследования когнитивной лингвистики, стремящиеся к объединению этих двух полярных точек зрения⁸. Согласно исследованиям подобного рода, представляется рациональным разграничивать объективную реальность, концептуальную картину мира (представления конкретного народа) и языковую картину мира, реализующую эти представления в конкретном языке. Ученые приходят к мысли об отсутствии случайных и незначимых элементов в языке и о тотальной обусловленности узуса картиной мира: например, говоря о различных — помимо лексического — уровнях языка в разных, в том числе художественных текстах, Т. В. Булыгина пишет, что «аномальность предложения “шум испугал мой стул” — не в нарушении сочетаемостных ограничений лексем, а в нарушении наших представлений о мире»⁹. В рамках когнитивных исследований «лексикон и грамматика являются хранилищем конвенциональной образности, которая различается от языка к языку. Если один язык вербализует нечто

как *cold*, другой — как *have cold*, третий — как *it is cold to me*, то эти высказывания различаются семантически, хотя и относятся к характеристике одного и того же содержания»¹⁰.

Если учесть, что картина мира билингва сложнее и разнообразнее, поскольку включает, по крайней мере, две группы корреспондирующих лингвистических и экстралингвистических семантических единиц, то рассмотрение теоретических вопросов билингвизма очень хорошо вписывается в парадигму изучения вопросов соотношения языка и сознания.

Билингв отличается от монолингва, с одной стороны, наличием у него двух языков, а с другой — наличием у него двух культур. Рассматривая языковую личность билингва, мы должны согласиться с А. Вежбицкой: «Билингвистические и бикультурные люди во всем мире ведут “двойную жизнь”, а значения, которые они выражают на одном языке, отличаются от значений, выражаемых ими на другом языке»¹¹. Также мы должны констатировать, что лингвистическое двоемирие редко находится в состоянии баланса. На начальной стадии изучения иностранного языка одна из лингвистических систем превалирует над другой. В этом случае мы имеем дело с интерференцией, для которой характерно большое количество ошибок¹². Однако с повышением уровня владения вторичным языком уменьшается интерферирующее воздействие первичного языка. Чем больше совершенствуешь язык, тем больше проявляется другого рода взаимодействие, а именно мы имеем дело с фацилитацией¹³, которая означает вариативность и альтернативность решений в области структурной организации речевого произведения билингва.

Двигаясь от грамматики текста к сознанию человека, мы решили ограничиться категорией агентивности/неагентивности в сфере употребления глагольных форм (с учетом категории активного/пассивного залога). Материалом исследования послужили отдельные главы романа «Лолита» на русском и английском языках. При этом нами были учтены точки зрения А. Вежбицкой и А. М. Пешковского относительно частотности употребления активного/пассивного залога в английском и русском языках.

А. Вежицкая утверждает, что «среди особенностей *русской* ментальности присутствует *неагентивность*, или ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, своего рода фатализм. Английский же язык представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто мы всецело управляем ими. Например, такие значения, как долженствование и невозможность, обычно передаются с помощью личной, номинативной модели: *I have to do it* = Я должен это сделать; *I cannot do it* = Я не могу это сделать»¹⁴ (курсив наш. — М. К.).

А. М. Пешковский отмечает: «Для русского языка более типичны конструкции с дательным падежом субъекта, в котором все ограничения и принуждения субъекта подаются в пациентивном модусе с формальным отличием от агентивного. Например, достаточно часто появляются слова из класса предикатов, обязательно требующих датива субъекта типа: нужно, надо, необходимо, следует и другие»¹⁵.

Для анализа мы выбрали те главы романа, которые были особенно важны для самого Набокова, а именно 2-ю, 11-ю, 20-ю и 21-ю. Приведем его слова из предисловия к роману «Лолита»: «Для меня рассказ или роман существует, только поскольку он доставляет мне то, что попросту назову эстетическим наслаждением... У автора есть, там и сям, любимые места, заветные закоулки... И когда я вспоминаю “Лолиту”, я всегда почему-то выбираю... такие образы, как учтивый Таксович, или классный список учеников Рамзуэльской школы, или Лолита, лупящая в теннис»¹⁶.

Объем материала, таким образом, составил 90 страниц печатного текста (или 153,9 тыс. знаков). Путем сплошной выборки нами было выявлено 130 контекстов субъектно-объектных отношений (или 260 контекстов для двух анализируемых текстов). По итогам исследования мы выявили следующее соотношение активного/пассивного залога: для английского языка — 40 : 90, а для русского — 99 : 31. Мы увидели, что с точки зрения частотности в русском языке на первый план выдвигается категория активного залога или категория агентивности, а в английском — напротив, доминирует употребление категории пассивного залога, или категории неаген-

тивности. Например, форма «seem to» или «be aware of» переводится В. Набоковым как «я вижу» или «я знаю», форма «I am said to resemble» переводится «Я похож», форма «Beginning perhaps amended» передается как «возможно, что в этом месте автор кое-что подправил»¹⁷. Сам по себе вывод оказался парадоксален, поскольку общепринятое мнение лингвистов (А. Вежбицкая, А. М. Пешковский) по этому поводу сводится к обратному.

Таким образом, мы убедились, что связь между языком и сознанием существует, а в пределах одной языковой личности писателя-билингва сосуществуют два типа сознания. Последний вывод противоречит мнению самого писателя Набокова, который утверждал: «I don't think in any languages... I think in images»¹⁸. Также мы можем констатировать факт неустойчивости межъязыкового баланса (английской и русской лингвистических систем) в рамках одного сознания писателя-билингва.

¹ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994.

² Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М., 1969.

³ Григорьев И. Н. Литературный билингвизм В. Набокова: синтаксическая интерференция : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2005. С. 45.

⁴ Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л., 1972. С. 113.

⁵ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 121.

⁶ Колишанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1965. С. 117.

⁷ Там же. С. 104.

⁸ См.: Краткий словарь когнитивных терминов / отв. ред. Е. С. Кубрякова и В. В. Демьянков. М., 1996.

⁹ Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 482.

¹⁰ Лангакер Р. Основы когнитивной грамматики. Stanford, 1987. С. 54.

¹¹ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 237.

¹² См: Григорьев И. Н. Литературный билингвизм В. Набокова. С. 38.

¹³ Там же.

¹⁴ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. С. 33.

¹⁵ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 138.

¹⁶ Набоков В. Лолита : роман. СПб., 2004. С. 387.

¹⁷ Nabokov V. Lolita. N. Y., 1992. С. 72.

¹⁸ Григорьев И. Н. Литературный билингвизм В. Набокова. С. 17.